

А. И. БОЯРЧИКОВ

Воспоминания

<Фрагменты>

О Троцком я услышал, когда ехал в конке за Нарвской заставой, в Петрограде. Это было в марте 1917 года, вскоре после свержения царя Николая II.

В конке было много народу: рабочие, солдаты, женщины с сумками, а также два студента-путейца, дьякон в черной рясе и почтовый чиновник с белой повязкой на рукаве. По этим повязкам с красными буквами «Н. М.» узнавали тогда народную милицию, учрежденную Временным правительством вместо распущенной царской полиции.

В конке было шумно. Женщины жаловались на очереди за хлебом и на дороговизну, обвиняя в том бывшую императрицу-немку и ее министров-немцев. Рабочие и солдаты прислушивались к женскому разговору и не соглашались. Виновниками страданий России они считали капиталистов и помещиков, которые затеяли войну и послали умирать русских солдат, а в тылу заставили голодать их жен и детей. Стоявший рядом со мной молодой рабочий сказал:

— Войну придумали буржуи, она приносит им богатства, а рабочим — смерть и голод. Так больше жить нельзя.

Слова молодого рабочего вызвали оживление в конке. А пожилой солдат в серой шинели и папахе продолжил:

— Разве это по-христиански? Я три года в окопах вшей кормил, а что за это мне дали? Ничего. Я малоземельный крестьянин и едва свожу концы с концами. А помещик имеет много земли. Мы ему землю обрабатываем, а он только деньги огребает — так больше жить нельзя. Да. Не по-христиански.

В словах пожилого солдата слышалась вековая мечта Мужика о земле и лучшей крестьянской судьбе. Рядом с ним стоял раненый солдат, у которого левая рука висела на черной повязке. Женщины поглядывали на него и тяжело вздыхали. У солдата на груди был

серебряный крест Георгия Победоносца — высшая солдатская награда за храбрость в бою.

Раненый солдат стал рассказывать своим товарищам про вчерашний митинг в цирке Чинизелли, где с большой речью выступил Троцкий:

— Ну, братцы, и оратор же этот Троцкий. В голосе у него есть звон — как набат. Он говорил о мировом социализме... Тогда не будет ни бедных, ни богатых... Говорил еще про Временное правительство, которое является правительством капиталистов и помещиков, поэтому нам с ним не по дороге. Мы должны создать свое социалистическое правительство рабочих и крестьян. Троцкий еще сказал, что нужно отнять фабрики и землю и передать бесплатно рабочим и крестьянам в общее пользование.

Рассказ раненого солдата произвел впечатление на пассажиров. Он возымел такое действие, будто ударил гром среди ясного неба. Его окружили женщины и стали рассматривать серебряный крест и большую руку.

Кто-то спросил про Троцкого, в какой он состоит партии.

Солдат не знал, что ответить. Но его выручил старый рабочий в темных очках, сидевший неподалеку.

— Троцкий состоит в партии социалистов-интернационалистов, — сказал он. — Еще в 1905 году рабочие выбрали его председателем Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1905 году Троцкий руководил восстанием рабочих Петербурга. За это царь Николай II выслал его в Сибирь «на вечное поселение», а из Сибири он бежал за границу. Теперь он вернулся в Петроград.

В конке нарастал шум. Люди переговаривались, пересказывая слова старого рабочего. Все были взволнованы.

Рассказы о Троцком и о его последней речи всем понравились. Это было новое слово революции...

Вдруг раздался мощный голос дьякона, и все стихли:

— Православные, — сказал он. — Троцкий — человек не русский, а иудей. Он и веры не христианской, а иудейской. Опомнитесь, православные! Христианам нельзя идти за иудеем. Это нам запрещают Господь Бог и православная церковь.

В конке все молчали, опустив головы. Все пассажиры были преимущественно верующими и боялись кары Божьей за непослушание слову Божьему, изреченному пастырем. Эти люди не знали тогда, что православная церковь доживала свою последнюю «вечернюю».

В наступившей тишине сердца бились в тревоге. Однако в напряженной тишине раздался звонкий, молодой голос студента-путейца.

— Вы не правы, отче, — сказал он. — О человеке надо судить не по его национальности и вере в Бога, а по тому, что он сеет на земле — добро или зло. Иисус Христос тоже был иудей, а ему поклоняется половина человечества. Если Троцкий принес на землю добро, то за ним пойдут миллионы людей.

Люди облегченно вздохнули. Будто гроза прошла стороной. На студента смотрели с благодарностью. Он сумел погасить в душе слушателей упрёки совести и разрешил сомнения, волновавшие их.

Этот разговор в конке запомнился мне на всю жизнь и глубоко запал в мою юную душу. Я с большой радостью понял тогда, что у российского трудового народа есть мужественный защитник в лице Троцкого, который пойдет на смерть за народное счастье.

Рядом с Троцким в штабе РККА

По роду моей военной службы в Штабе РККА и Реввоенсовете Республики мне часто приходилось работать двадцать четыре часа в сутки. Однажды в полночь мне позвонил секретарь Троцкого Глазман и сказал:

— Вас вызывает к себе председатель Реввоенсовета Республики.

Нас, шифровальщиков, часто вызывали к себе Троцкий, Склянский, Каменев, С. С. Лебедев.

Я догадался, что меня ждет ночная работа.

Дорога в Реввоенсовет Республики вела из Штаба РККА по прямому длинному коридору бывшего Александровского военного училища, где через короткие промежутки стояли ночные часовые, охранявшие мозг и сердце Красной армии.

В секретариате РВС Республики меня встретил Глазман, сообщивший, что Троцкий пишет Тухачевскому очень важный приказ.

Я тихо отворил дверь и вошел в кабинет.

Троцкий сидел за столом, ярко освещенным зеленым абажуром, и писал. Я заставлял его в таком рабочем положении очень часто и всякий раз при этом испытывал необъяснимое волнение. Было в нем что-то удивительное, не похожее на других людей. Что-то неповторимое и чудное от природы: в нем было все ярко. Взор глаз приковывал — от него нельзя было оторваться. Иссиня-черный цвет волос. Чарующий, с металлической дикцией голос, звуча-

ший как музыка... Когда он произносил речи, звуки призывали людей на великие свершения, проникали в душу слушателей и завораживали так, будто таинственными путями говорили: «Дерзайте. Боритесь. Побеждайте».

И люди боролись, дерзали, побеждали, шли в бой, не щадя своих жизней за дело революции, за дело пролетариата.

Троцкий был великим оратором мира.

Приказ на имя Тухачевского я получил из его рук. Вручая его мне, Троцкий озабоченно спросил: сколько времени пройдет, пока приказ дойдет до Тухачевского? Он командовал Западным военным округом. Я ответил, что два часа. Мой ответ удовлетворил его. Он сказал: «Спасибо, можете идти».

<...>

<...>...вошел Троцкий. Он поздоровался с нами и пригласил в кабинет.

Мы сидели в мягких кожаных креслах и ждали. Только один из нас, Вася А., отказался сидеть в присутствии Троцкого. Наши уговоры не убедили его, и даже просьба самого Троцкого не подействовала на юношу. Как солдат на карауле, стоял он возле него два с половиной часа.

Беседа началась с задач оппозиции. Вот приблизительный смысл беседы (по памяти).

Мы должны идти в рабочий класс, в рабочую часть партии.

В международном плане наши задачи заключаются в собирании революционных сил в буржуазных странах. Мы должны оказать помощь международному пролетариату в деле подготовки в этих странах вооруженных восстаний. Мы не имеем права упускать революционные ситуации. Наша конечная цель — это мировая социалистическая революция.

В плане работы внутри страны мы должны начинать индустриализацию в необходимых темпах и не за счет увеличения эксплуатации рабочего класса, а за счет увеличения налогов с зажиточных и буржуазных слоев города и деревни... Нас хотят оторвать от рабочего класса, но это им удастся только с кровью. Нас будут арестовывать и даже расстреливать... Эту акцию Сталина надо осмыслить... Слабые от нас отойдут. До конца с нами останутся только сильные...

В словах Троцкого слышалась тревога.

В стране нарастала реакция. Она надвигалась со скоростью грозовой тучи. Все звенья партийного и государственного аппарата

захватили сталинские чиновники. Они не хотели дальнейшего развития революции и ее выхода на международную арену.

Во всех странах мира в это время была самая подходящая ситуация, то есть революционная ситуация, необходимая для свержения прогнивших капиталистических правительств. Да сталинцы не понимали, что мировая революция сама не придет, ее нужно организовывать. Даже в колониальных и зависимых странах — Индии, Китае и других — назревали восстания угнетенных народов. С мировой революцией медлить нельзя. Ее нужно делать теперь, пока живы старые испытанные поколения коммунистов, участников Октябрьской революции и Гражданской войны. Это необходимо не только для победы революции, но и для передачи новым поколениям большевистской ленинской преемственности.

У нашего поколения достаточно революционного опыта, и его хватит на весь мир. Всякая попытка задержать ход мировой революции есть содействие империализму в деле разгрома Советской России, а также всего революционного движения в буржуазных странах.

Поклонники национального социализма «устали» от революции, они хотят отдохнуть. Но так могут поступать только ренегаты, а не пролетарские революционеры, забывшие слова Ленина о том, что наша эпоха есть «эпоха войн и революций». А жизнь об этом напоминает и подтверждает ежедневно, ежечасно фактами.

Кто-то из нас спросил Троцкого:

— Если Сталин нас будет расстреливать, он истребит все революционные кадры. Разве можно ему это позволить? Разве мы не должны принять предупредительные меры?

Это был самый больной вопрос оппозиции. Его задавали Троцкому тысячи наших товарищей.

Речь шла о судьбе не только русской революционной интеллигенции, которую Сталин может физически уничтожить, но и всего русского народа и Октябрьской революции.

От правильного решения этого вопроса зависела и судьба нашей оппозиции, состоявшей из большевиков-ленинцев.

Троцкий обсуждал этот вопрос в кругу своих близких единомышленников. Анализировались причины гибели и перерождения многих революций за многовековой период мировой истории.

На наш вопрос мы получили такой ответ от Троцкого:

— Предупредить акцию Сталина можно только силой. — Троцкий сделал рукой жест вверх. — Но сила — не наш путь. Прошу

это крепко запомнить. История не простит нам непартийного решения внутрипартийного вопроса... Для того чтобы акцию Сталина предупредить силой, мы должны взяться за оружие и начать Гражданскую войну... Если мы прольем хоть одну каплю крови наших заблуждающихся товарищей по партии, то на наши головы падет проклятие живущих и грядущих поколений.

Когда Троцкий это нам говорил, я вспомнил накаленную обстановку в стране в 1918 году: меньшевики и эсеры тогда яростно нападали на Троцкого, выступая против его назначения на пост народного комиссара по военным делам Советской России и изрекая всяческие пророчества, наподобие таких: «Он будет Бонапартом», «Он будет диктатором».

Они ошиблись в своем пророчестве. Троцкий по своей натуре не мог быть Бонапартом. Он был яростным противником авантюры в политике и всегда отталкивал от себя все нечистое, что могло бы запятнать его честь. Он был всегда против тирании и узурпаторства. Он никогда не использовал свою власть в сомнительных политических целях.

<...>

<...> Нравственная чистота его всегда была на высоком уровне. Недаром он много раз говорил своим ученикам: «Лучше быть мучеником, чем палачом, лучше принять смерть, чем позор». Да, Троцкий заглядывал в историческое зеркало и всегда опасался увидеть себя в нем тираном. Эту мысль он повторял в нашей беседе с ним в разных вариантах. Он не хотел рубить внутрипартийный узел мечом, который ему предлагали его военные единомышленники. Он отклонил этот меч потому, что боялся Суда Истории.

Когда мы уходили, Троцкий поочередно протягивал нам на прощание руку. И вот очередь дошла и до нашего товарища Васи А.

Он крепко стиснул руку Троцкого и громко воскликнул:

— Да здравствует вождь мировой революции товарищ Троцкий!

Лев Давидович посмотрел на него с укором и сурово сказал, что «это нехорошо» и что «так больше никогда не надо...».

Ему неприятно было это фанатическое восхваление его личности.

Мы расходились по домам молча. Каждый про себя обдумывал слова Троцкого, памятуя дозволенные и недозволенные средства в политической борьбе внутри партии.

